

Современное украинское студенчество об исторических фигурах и деятелях прошлого Ю.Г. Сорока

В статье на основе данных эмпирического исследования рассматривается реальное отношение студенчества к прошлому. Отмечается внутренняя неоднородность украинского символического пространства, находящегося в процессе становления. Выявлены гендерные и региональные различия в оценке деятелей прошлого.

Ключевые слова: символическое пространство, символы украинской истории, историческая память, студенчество.

У статті – на основі даних емпіричного дослідження – розглядається реальне ставлення студентства до минулого. Наголошується внутрішня неоднорідність українського символічного простору, що знаходиться в процесі становлення. Виявлені гендерні і регіональні відмінності в оцінці діячів минулого.

Ключові слова: символічний простір, символи української історії, історична пам'ять, студентство.

У артыкуле – на аснове дадзеных эмпірычнага даследавання – разглядаецца рэальнае стаўленне студэнцтва да мінулага. Адзначаецца ўнутраная неаднастайнасць ўкраінскай сімвалічнай прасторы, якая знаходзіцца ў працэсе станаўлення. Выяўлены гендэрныя і рэгіянальныя адрозненні ў ацэнцы дзеячаў мінулага.

Ключавыя словы: сімвалічнае прастору, сімвалы ўкраінскай гісторыі, гістарычная памяць, студэнцтва.

The article is based on the data of empirical research – the real attitude of students to the past is being examined. The author underlines the internal heterogeneity of the Ukrainian symbolic space that is now in the process of formation. Gender and regional differences in assessing the figures of the past are identified.

Key words: symbolic space, symbols of Ukrainian history, historical memory, students.

В процессе анкетного опроса респондентам предлагалось оценить исторические фигуры как героев или антигероев¹. Студенческая аудитория представляет особый интерес в контексте исследований отношения к прошлому по нескольким причинам. Молодежь является наиболее перспективным сегментом целевой аудитории стратегий конструирования символического пространства украинского. Советское прошлое уже не является объектом их личного опыта, представлено только опосредованно – через общение в семье, кругу близких и специфические культурные продукты и практики (фильмы, рекламу, учебники, книги, памятники, ритуалы и коммеморативные мероприятия и т.д.). С этой точки зрения был сформирован перечень исторических фигур, которые студентам предлагалось оценить: Бандера, Петлюра, Сталин, Мазепа, Ленин, Хмельницкий. А персонажи близкой по хронологии советской истории (например, Хрущев, Брежнев, Щербицкий) не были включены в опросник. Формулировка вопросов респондентам была лишена упоминаний о событиях, с которыми ассоциируются исторические фигуры, и благодаря этому – «подсказок» в пользу какой-либо из историографических парадигм, версий истории (например, украинской или советской). Имена исторических персонажей фигурируют здесь как символы, знаки прошлого, а результаты их оценки респондентами позволяют говорить не столько об уровне и характере исторических знаний (сознания), интериоризации определенных традиций конструирования истории, но и кумулятивном эффекте стратегий разнообразных институций и агентов, апеллирующих к прошлому.

Расценивать результаты в таком ключе позволяет содержащийся в вопросе *акцент на личное мнение* респондента и отсутствие указания какой-либо иной инстанции оценки (например, «для истории Украины», или «украинского народа», «отечественной истории», «нашей истории» и т.д.). С той же целью в вопросах использовалась универсальная категория «герой», которая приемлема как для академического, так и для политического и повседневного дискурса прошлого. С другой стороны, понятие «герой» как культурная категория (в том числе – категория массовой культуры: герои фильмов, телесериалов, литературы, компьютерных игр и т.д. хорошо известны молодежной аудитории), блуждающая в контекстах «положительный-отрицательный» и «главный-второстепенный», также способствует широкой трактовке вопросов исследования. Иными словами, тезис о «виртуальном сосуществова-

¹ Приводимые ниже данные были получены в ходе исследования «Вища освіта як фактор соціоструктурних змін: порівняльне дослідження посткомуністичних суспільств», проводимого кафедрой соціології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна під керівництвом професора Л.Г. Сокурянської. N=3057.

нии с прошлым»¹ для молодежной студенческой среды представляется наименее проблематичным и делает эту аудиторию интересной для проверки гипотез несовместимости украинской и советской версий прошлого и региональных различий в отношении к прошлому. Результаты опроса таковы:

Таблица 1

Кого из перечисленных исторических фигур вы считаете героями, кого антигероями (в % к опрошенным)

Исторические фигуры	Герой	Трудно сказать	Антигерой	Не знаю такого	Нет ответа
Хмельницкий Богдан	79	12	3	1	5
Мазепа Иван	57	23	11	3	6
Петлюра Симон	31	37	16	10	6
Бандера Степан	31	34	20	10	5
Ленин Владимир	26	28	39	2	5
Сталин Иосиф	13	19	61	2	5

Как видим, лидирующие позиции в статусе «героя» по результатам опроса украинских студентов занимают Хмельницкий и Мазепа. Максимальное признание как «антигерой» получает Сталин. Петлюра и Бандера оказались наиболее сложными для определения фигурами, лидируют по показателю «трудно сказать». Иерархия исторических «героев» обнаруживает преимущественные симпатии респондентов к украинским персонажам по сравнению с советскими. Хмельницкого называют героем более двух третей опрошенных, Мазепу – больше половины, Бандеру и Петлюру – около трети, Ленина – около четверти опрошенных, а Сталина – вдвое меньше, чем Ленина. При этом Хмельницкий и Сталин, которые могли быть соотнесены с советской версией прошлого, оказываются оценены противоположно. Вероятно, героев выбирают по *этнонациональному признаку*, что отчасти подтверждается результатами корреляционного анализа. Среди тех, кто в полной мере ощущает себя представителем своей национальности, считают Хмельницкого героем 86% респондентов, а среди тех, кто не ощущают себя такими, – 76%. Первые признают Сталина героем в полтора раза реже, чем вторые (13% против 23%). При этом значимых связей с идентификацией с гражданами Украины не наблюдается.

Группа украинских исторических фигур дифференцируется по степени поддержки их в качестве героев. Для Хмельницкого и Мазепы «рейтинг героя» превышает «рейтинг антигероя» в 7 и 5 раз соответственно. В оценке Бандеры и Петлюры мнения разделились не столь определенно: показатель «трудно сказать» для них выше других вариантов ответов, хотя готовых признать их героями в 2 раза больше, чем сторонников противоположного мнения. Как видим, неоднозначность оценок делит «украинских героев» по *хронологическому признаку*: чем «старше» персонаж, тем больше вероятность для него быть названным героем; чем ближе он во времени к настоящему, тем больше поводов для сомнений.

Таким образом, персонифицированные символы украинского прошлого, представленные перечнем исторических фигур, по результатам опроса студентов оказываются дифференцированы. Вместе с тем обоснование характера и факторов этих различий через обращение к актуальным идеологическим (политическим или академическим) контекстам не является, на мой взгляд, исчерпывающим. Речь должна идти о *внутренней неоднородности находящегося в становлении украинского символического пространства*, в том числе – украинского прошлого как одного из его «сегментов». В данном случае, как представляется, можно перенести на символы прошлого идеи о связи символа и культуры, высказываемые Ю. Лотманом². Символ связан с памятью культуры и пронизывает ее хронологические пласты, обладая между тем длительностью собственной культурной жизни и реагируя на воздействия актуаль-

¹ Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000.

² Символ в системе культуры // Лотман Ю.С. Семиосфера. СПб., 2001. С. 240-249.

ного культурного контекста. Иными словами, оценки исторических фигур как персонифицированных символов прошлого соотносимы с различными хронологическими пластами украинской культуры. Для массового сознания символы прошлого и их оценки (например, «Ленин-герой», «Бандера-герой») неоднородны с точки зрения их семантической и «публичной» карьеры, и их поддержка требует различной культурной компетенции. В качестве индикатора характера культурной компетенции, востребованной различными символами и их оценками, рассматривался *пол респондентов*, оценивающих исторические фигуры. Преобладание мужского выбора в поддержке символа прошлого свидетельствует о преимущественно политическом характере этого выбора (здесь мы опираемся на идеи П. Бурдьё¹).

Отсутствие статистически значимых различий между долей мужской и женской аудитории, выбирающей вариант оценки, а также преобладание доли женской аудитории говорит о преимущественно этическом характере выбора. В контексте данного исследования оппозиция *политический-этический* может быть трансформирована в оппозицию *инновационный-традиционный*. Введение этой оппозиции в качестве измерения символического пространства украинского прошлого позволяет представить его подвижным через обнаружение «следов» изменений в отдельных оценках, которые и воплощаются в характере культурной компетенции, востребованной той или иной оценкой.

В поле преобладания «женского выбора» оказываются оценки «трудно сказать» таких исторических фигур, как Мазепа, Бандера, Петлюра, Ленин, Сталин, а также в варианте оценки Бандера – «неизвестный». В поле «инновационного» выбора оказываются такие оценки персонифицированных символов, как «Мазепа-герой», «Бандера-герой», «Бандера-антигерой», «Петлюра-герой», «Петлюра-антигерой», «Петлюра-неизвестный», «Сталин-герой» и «Ленин-антигерой».

В поле «традиционного» выбора, где доля ответивших женщин и мужчин статистически равны, оказываются такие оценки, как «Ленин-герой» и «Ленин-неизвестный», «Сталин-антигерой» и «Сталин-неизвестный», «Мазепа-антигерой» и «Мазепа-неизвестный», а также «Хмельницкий-герой», «Хмельницкий-антигерой», «Хмельницкий-неизвестный».

В контексте оппозиции инновационность-традиционность интересным оказывается сравнение оценки фигур Ленина и Сталина. В поле традиционного выбора оказывается противоположные их оценки: «Ленин-герой» и «Сталин-антигерой», первую из оценок поддерживают почти втрое реже, чем вторую. С другой стороны, оценки «Ленин-антигерой» и «Сталин-герой» требуют смелости и уверенности, то есть оказываются в поле инновационного выбора, а поддержка первой из оценок более чем вдвое сильнее второй. Ленин и Сталин являются символами советской истории, но с разными «карьерями». Развенчание культа личности Сталина сопровождалось с реканонизацией Ленина, который и так не сходил с идеологического олимпа советского мира. Переоценка образа Ленина была инициирована перестройкой и до сих пор не завершена. Отсюда слабо поддерживаемый «Ленин-герой» в оценке украинских студентов, вероятно, связан со следами советского, социалистического образа прошлого. Заметную и традиционную по характеру поддержку оценки «Сталин-антигерой», кроме антисталинистской идеологии 1960-х гг. и перестройки, можно связать также с актуализацией проблематики Голодомора 1933-1937 гг. в Украине. Относительно слабую, но имеющую инновационный характер, поддержку геройского статуса Ленина и Сталина следует связывать с влиянием современного российского дискурса советского прошлого. Тем более, что эти оценки имеют наивысшие показатели для респондентов восточного региона.

Деятели ближайшей по хронологии украинской истории – Бандера и Петлюра – в обоих статусах оказываются в поле инновационного (политического) выбора. Это связано с двумя факторами: «заполитизированностью» этих фигур, а также дефицитом культурных репрезентаций (от детских книжек, художественных фильмов до названий улиц) этих образов в масштабе страны в целом. Можно также сказать, что это две стороны одного и того же фактора, поскольку культурные репрезентации массового употребления – памятники, топонимы, му-

¹ Бурдьё П. Общественное мнение не существует // Социология политики. М., 1993. С. 159-178; Бурдьё П. Политические позиции и культурный капитал // Там же. С. 99-158.

зеи и т.д. – для своего возникновения и существования требуют политической (а чаще – государственной) воли. Также в отличие от Ленина и Сталина, ни Бандера, ни Петлюра как символы украинской истории не могут рассчитывать на поддержку символического пространства советского или современного русскоязычного (художественное и документальное кино, телевидение, др.), поскольку не являются актуальными для них и не обладают потенциалом для позитивной оценки. По результатам опроса студентов, взвешенная и традиционная оценка этих фигур выражена *позицией «трудно сказать»*. Между тем количественный перевес оценки Петлюры и Бандеры в статусе героев (почти вдвое превышающий оценку их как антигероев) должна вдохновлять тех ученых, общественных деятелей и граждан, которые поддерживают и продвигают эти символы украинского прошлого.

Образы деятелей отдаленного прошлого – Хмельницкого и Мазепы – меньше предыдущих ощущают влияние актуальных социальных и политических интересов и меньше задействованы в обосновании политических позиций. Но по этим же причинам они в большей степени оказываются зависимыми от перипетий символической борьбы в академическом поле: Хмельницкий определяется важной фигурой советской версии украинской истории, Мазепа – украинской. В оценке украинскими студентами Мазепы количественно преобладает инновационная по характеру точка зрения «Мазепа-герой». Почти втрое ниже поддерживается традиционная по характеру оценка «Мазепа-антигерой». Другими словами, «украинское видение» значения этого персонажа преобладает количественно, но требует воли и уверенности, вместе с тем «советская» его оценка – традиционна по характеру. Такое распределение оценок также можно связать с изменением парадигмы школьного и вузовского курсов истории Украины.

В отношении к Хмельницкому эти изменения выражаются в приобретении традиционно-го характера, нормализации оценкой «Хмельницкий-антигерой» и «трудно сказать». Именно так можно объяснить тот факт, что варианты оценки этого персонажа не дают статистически значимого различия доли женского и мужского выбора. Количественно же преобладает среди других традиционных по характеру оценок точка зрения «Хмельницкий-герой». Она является наивысшим уровнем поддержки среди всех исторических персонажей, что говорит об особом характере этого символа.

Оценка украинскими студентами исторических фигур также демонстрирует и региональные различия. В выборке исследования центральный регион объединяет респондентов в вузах Киевской, Житомирской и Днепропетровской областей (31% от массива), южный – Одесской, Запорожской областей и Симферополя (15%), западный – Львовской и Ровенской областей (15%), восточный – Харьковской и Луганской областей (39%).

Наиболее заметные различия в оценках демонстрируют студенты восточного и западного регионов. В оценке исторических фигур XX в. (Бандера, Петлюра, Ленин, Сталин) симпатии респондентов распределяются в пользу советских (для восточного региона) и украинских (для западного региона). Следует лишь обратить внимание на то, что поддержка Бандеры и Петлюры в восточном регионе более чем в два раза превышает поддержку Ленина и Сталина в западном. В центральном регионе в сравнении с массивом в целом симпатии к названным украинским героям также несколько выше, чем к советским. Единственным отличием результатов опроса по южному региону в сравнении с массивом в целом стала более низкая оценка Бандеры.

Таким образом, региональные распределения симпатий к украинским и советским историческим фигурам XX века подтверждают уже ставшие стереотипами представления о про-советских ориентациях восточного региона и проукраинских западного. Аргументы объяснения такого положения как с точки зрения социально-политических, экономических, языковых различий, культурных ориентаций, так и с точки зрения укорененности советской или украинской версий украинской истории достаточно известны. Однако в отношении к фигурам Хмельницкого и Мазепы, представляющих в исследовании персонажи более отдаленной украинской истории, региональные различия выражены значительно слабее. Более того, эти персонажи возглавляют иерархию популярности исторических героев во всех регионах. Ис-

рархия популярности антигероев совпадает во всех регионах и воспроизводит в обратном порядке иерархию исторических героев по массиву в целом.

Как отмечалось выше, отношение к прошлому, а также и совокупность возможных оценок исторических фигур, обусловлены интересом к прошлому, актуальностью этой темы для массового сознания. Социальная распределенность интереса к прошлому связана со степенью осознания разрыва с ним как одним из аспектов переживания социальных изменений. Показателем заинтересованности в теме прошлого в данном исследовании служит доля респондентов, отказавшихся от ответа на интересующие нас вопросы.

Межрегиональное сравнение здесь выявляет оппозицию *центр – периферия*: наименее заинтересованными в исторической тематике предстают студенты центрального региона. Среди остальных регионов заметна позиция западного, где доля неответивших на вопросы об исторических фигурах минимальная, вчетверо ниже, чем в центре, и вдвое ниже, чем в целом по массиву. Это также говорит в пользу высказывавшегося выше предположения об отличиях в отношении к прошлому и истории украинцев в западном регионе. К имеющимся объяснениям по этому поводу¹ можно добавить, что объективации прошлого здесь в значительно большей степени включены в пространство повседневных взаимодействий, например, городского населения. Имеются в виду разнообразные артефакты прошлого (здания, сооружения, памятники и т.д.). К тому же эти объективации маркированы как прошлое, история и пребывают в особом статусе достойных внимания, почитания, уважения. Обсуждая отличия в отношении к прошлому, которые демонстрируют студенты западного региона, особенно следует обратить внимание на характер иерархии исторических героев. А именно: он повторяет иерархию героев, сформированную в целом по массиву. При уже отмеченном более высоком уровне популярности украинских исторических персонажей по сравнению с советскими, западный регион не демонстрирует принципиальных содержательных отличий в приоритетах. Отличия касаются лишь интенсивности высказывания точки зрения по поводу исторических персонажей, что также связано с характером отношения к прошлому. В пользу такого объяснения говорит и тот факт, что фигура Хмельницкого в статусе героя получает у студентов западного региона еще более высокую оценку, чем в целом по массиву (89% против 79%). В целом Хмельницкий как персонифицированный символ, при наличии противоположных оценок, заявляет о себе как ведущем в символическом пространстве украинского прошлого. Вне зависимости от академической интерпретации и политической оценки его деятельности Хмельницкий является наиболее известным, знакомым символом украинского, в том числе благодаря его присутствию в советском символическом пространстве, доминировавшем (хотя бы официально) на территории Украины в ближайшем прошлом. Именно оно оставило и многочисленные культурные репрезентации этого символа в виде названий бульваров и улиц, многочисленных памятников, среди которых известная конная статуя в Киеве, силуэт которой часто используется для обозначения украинского, мемориальных досок и т.д. Уже во времена независимости именно Хмельницкий стал одним из символов, изображенных на денежных знаках Украины. Также важным является распространенность разнообразных визуальных изображений Хмельницкого, благодаря чему аудитория «знает его в лицо» и может объединять этот символ с представлениями об этнонациональной специфичности украинского. Немаловажными факторами анализируемой оценки образа Хмельницкого является и то, что он герой успешный и мужественный. Другими словами, оценка студентами фигуры Хмельницкого свидетельствует о кумулятивном влиянии разнообразных культурных практик использования символов прошлого и выявляет, не зависимо от академиче-

---

¹ Кононов І.Ф. Донбас і Галичина: проблема управління міжрегіональними стосунками // Сучасні соціальні проблеми у вимірі соціології управління: Збірник наукових праць ДонДУУ. Т. ІХ. Вип. 4 (94). «Соціологія управління». Серія «Спеціальні та галузеві соціології». Донецьк, 2008. С. 218-227; Кононов І.Ф. Донбас і Галичина: міжрегіональне взаємодія і змінення просторових характеристик українського суспільства // Методологія теорії та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2005. С. 276-187.

ских или идеологических оценок, наиболее известный и популярный персонифицированный символ украинской истории.

Выводы

Использование концепций памяти (коллективной, социальной, исторической и т.д.) для изучения отношения к прошлому в современном украинском обществе требует учета характера и неоднородностей происходящих постсоветских трансформаций. В центре тематики отношения к прошлому и его использования оказываются символы прошлого, их конфигурации и интерпретации, представляющие собой «сегмент» украинского символического пространства. Анализ оценки персонифицированных символов прошлого украинскими студентами показывает, что для объяснения отношения к прошлому необходимо дополнить уже существующие объяснительные модели (оппозиция украинское – советское, региональные различия) динамическим представлением символического пространства украинского. Особое внимание, в том числе в практическом контексте, привлекают общезначимые символы украинской истории (Хмельницкий), социокультурный потенциал которых требует дальнейшего изучения.